

Е. В. Бусырева

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
СЕМЕЙ С ФИНСКОЙ РОДОСЛОВНОЙ
(МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ)**

В статье рассматривается формирование этнической идентичности у представителей семей с финскими корнями, проживающих на территории Мурманской области РФ. Этническая идентичность – часть социальной идентичности. Современные исследователи редко определяют этническую идентичность как врожденное неизменное свойство. Поскольку большинство информантов происходит из полиэтнических семей, в нашей статье этническая идентичность рассматривается как неустойчивая форма, зависящая от воздействия конкретных исторических событий. Цель исследования – проследить процесс трансформации этнической самоидентификации представителей семей с финской родословной; выявить факторы, повлиявшие на формирование этнической идентичности. Основными источниками послужили интервью, полученные у 34 информантов, а также материалы из семейных архивов. Установлено, что объединяющий фактор российских финнов – это их причастность к «репрессированному народу». Этническую идентичность российские финны склонны были конструировать в зависимости от политики государства. Так, до репрессий 1930-х гг. они идентифицировали себя как финны; затем стараясь скрыть принадлежность к финскому этносу, использовались различные стратегии; в постсоветский период наблюдается противоположная тенденция: возрождение интереса к своим корням и соотнесение себя с финским этносом.

Ключевые слова: финны, этническая идентичность, трансформация, самоидентификация, семейная история; политика государства, репрессированный народ, полиэтнические семьи, амбивалентная идентичность, биэтническая идентичность.

В статье рассматривается процесс формирования этнической идентичности на примере российских финнов. Благодаря идентификации – это процесс, которому реализуется этническое отождествление, а идентичность – это результат процесса идентификации. Объект исследования – представители финских семей, проживающие на территории Мурманской области. Предмет исследования – трансформация их этнической самоидентификации. Цель – выявить факторы, повлиявшие на этническую идентичность представителей семей с финскими

корнями. Нас интересовали процессы, связанные с изменениями этнического самосознания, поскольку идентичность относительна и незавершена [Grossberg 1996, 89].

В основу работы легли интервью, полученные у 34 информантов в 2009–2016 гг., а также материалы семейных архивов. Большинство информантов происходит из полиэтнических семей и только восемь из моноэтнических финских семей. Финнами себя считают девятнадцать информантов: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 12, 16, 18, 20, 21, 25, 27, 28, 30, 31, 32; русскими – восемь: 10, 11, 14, 15, 17, 24, 26, 33; карелами – двое (9, 22); один информант – саами (29), у двух – биэтническая идентичность (13, 19) и у двух – амбивалентная идентичность (23, 34) (рис. 1). У информантов 1, 2, 3, 4, 5, 20, 25 и 27 из моноэтнических финских семей не возникало проблемы самоидентифицирования. Некоторые информанты из полиэтнических семей затруднялись сделать выбор. Так, информанты 23 и 34 не имеют четко выраженной этнической идентичности, у них самоидентификация «размытая». Информанты 13 и 19, имея биэтническую идентичность, осознают свое родство и с финской, и с русской этническими общностями. Именно у представителей полиэтнических семей наиболее интересно проследить трансформацию этнической идентичности.

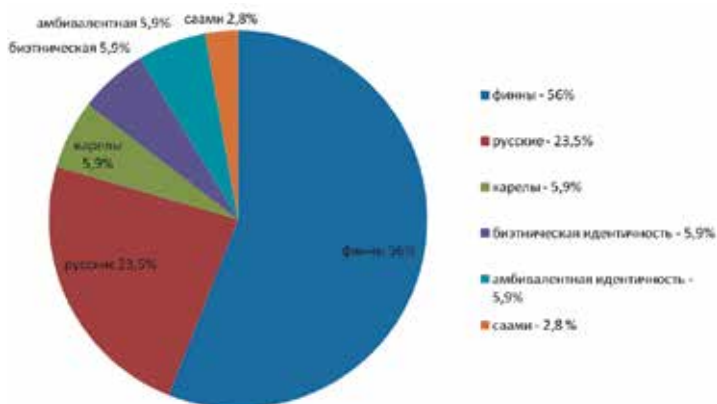

Рис. 1. Этническая самоидентификация информантов

Финны до 40-х гг. XX в. составляли одну из самых многочисленных этнических групп на Кольском Севере и участвовали в формировании поликультурного облика региона. Значительный процент финского населения объясняется приграничностью территории. Финнов, проживающих на территории Мурманской обл., в зависимости от места «исхода» можно подразделить на 4 локальных группы: северные финны, финны-ингерманландцы, южные финны и «американские» финны.

Первыми переселяться в западные районы Кольского полуострова стали северные финны. Миграция их активизировалась в 1860-е гг. из-за продолжительного голода в северной Финляндии. До Октябрьской революции 1917 г. переселенцы из северной Финляндии (их принято обозначать как финских колонистов) были единственной финской группой, проживающей в регионе.

Следующий большой приток финнов отмечается с кон. 1920-х гг. Как известно, в 1927 г. на XV съезде ВКП(б) было принято решение о коллективизации, в результате чего значительное число ингерманландских семей Ленинградской обл. подверглось раскулачиванию: 2500 финнов-ингерманландцев были высланы на Кольский Север с целью использования их как рабочей силы для промышленного освоения Хибин. Стоит отметить, что среди всего количества спецпереселенцев ингерманландцы не были самой крупной этнической группой, так как коллективизация не носила этнического характера [Мусаев 2002].

Представители других локальных финских групп (из южных районов Финляндии и «американские» финны) составляют незначительное количество от общего числа финского населения Мурманской обл.

Считается, что этническая идентичность базируется на национальности родителей, языке, культуре, историческом прошлом и территории [Дробижева 2006, 10]. Аналогичная трактовка дана С. В. Соколовским: этническая идентичность или этничность, как правило, основывается на языке, религии, традиционной культуре и генеалогии (принадлежности по рождению к определенной культурно-языковой общности) [Соколовский 2016, 2, 13].

Маркером этнической идентичности обычно является эндотнотним, свидетельствующий об этническом самосознании [Манаков 2003, 121]. Этнос самоутверждается путем противопоставления себя всем остальным как осознание своего единства и отличия от других групп по комплексу признаков и опоры на «миф об общем происхождении» [Тишков 1997, 12–13; Разумова 1997, 39]. Этничность в таком понимании – это процесс социального конструирования воображаемых общностей, основанный на вере в то, что они связаны единым типом культуры и мифом об общности происхождения и общей истории [Тишков, Шабаев 2011, 308]. Для финнов такой признак их единства – причастность к репрессированному народу, осознание общей «исторической травмы», запечатленной в «коллективной памяти» [Шнирельман URL: http://semitology.lugovsa.net/elephants/myth_of_past.htm, Шнирельман URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/36534.htm>]. По мнению известного петербургского этнографа О. И. Коньковой, именно историческая судьба – один из главных признаков единства ингерманландских финнов (а они составляют подавляющее большинство российских финнов). Общая историческая судьба имеет «явную негативно-страдательную окраску» [Конькова 2009, 40]: для всех рассмотренных семей характерен сюжет репрессий, и нередко он – основной в рассказах информантов, особенно из представителей старшего поколения, как непосредственных участников драматических событий в истории СССР.

В XX в. историю российских семей с финской родословной на протяжении нескольких поколений определяли такие социально-исторические и политические факторы, как революция и гражданская война (и в России, и в Финляндии), коллективизация, репрессии 1930-х гг., депортации финского населения по этническому признаку в годы Второй мировой войны. Эти исторические процессы привели к дисперсному расселению финнов и, как следствие, к межэтническим бракам, резко сокращающим численность финнов, что продолжается

до настоящего времени. Ломка старых устоев разрушала этнокультурную самобытность финнов, их обычаев и традиций.

До 1940 г. финны жили на Кольском полуострове обособленными колониями, со своим укладом жизни, практически не смешиваясь с другими этническими группами, лишь изредка финны вступали в брак с саамами, а также с норвежскими колонистами, шведами. Нередко встречались браки финнов с карелами, особенно в пограничных районах. В настоящее время преобладают браки с русскими.

Поскольку большинство информантов происходит из межэтнических семей, у многих возникает проблема с самоидентификацией [Бусырева 2012, 326]. Как правило, затруднителен для них ответ на вопрос о своей этнической принадлежности. Весьма затруднительна в таких семьях этническая ориентация детей, так как они с рождения живут в нестабильной этнической обстановке, обусловленной двуязычием, симбиозом культур. Поскольку идентификация – это процесс, то с течением времени самоидентификация изменяется под воздействием различных факторов. Людям свойственно «переопределять» себя, если это покажется полезным либо вынужденным обстоятельством [Вахтин 2001, 248]. Г. Г. Шпет считал, что принадлежность индивида к определенному этносу не определяется биологической наследственностью. Человеку свойственно сознательно относить себя к тому или иному народу, он может даже «переменить» народ [Шпет 1996, 153]. Этническая идентичность формируется под воздействием конкретных социальных, политических и культурных факторов. Так, некоторые информанты на протяжении своей жизни меняли этническую идентификацию.

Манипулирование этничностью – одна из хорошо известных тактик поведения. Согласно первоначальным правилам паспортизации, введенной в СССР в нач. 1930-х гг., при получении паспорта допускался свободный выбор национальности, обозначавшей в советский период этническую принадлежность. Впоследствии выбор стал ограничиваться национальностью одного из родителей, и нередко он делался в пользу того родителя, чей этнический статус более престижен. Как полагал автор теории социальной идентичности Г. Тэджфел, социальное сравнение – это один из механизмов формирования социальной (в том числе и этнической) идентичности. Позитивные аспекты идентичности, ощущение ценности принадлежности к определенной группе приобретают значение лишь при сравнении с другими социальными группами [Tajfel, Turner 1986, 167].

Негативная оценка финской этногруппы побуждала стремление сменить свою этническую принадлежность: информантам удобнее было считать себя русскими или карелами и так указывать в паспорте [Козлов 1975, 230–231]. Большинство информантов старшего поколения, по их ретроспективным оценкам, желало не выделяться среди русского окружения, быть как все, стереть свои отличия.

В советский период многие финны сознательно скрывали этническое происхождение из-за негативного к ним отношения и применяли различные виды эскапизма: снижение социального статуса, переезды в отдаленные населенные пункты, изменение паспортных данных (этничности, фамилии), женщины вступали в брак с русскими. Существовала бумажно-бюрократическая ассимиляция, когда финны по ряду причин записывались в другие этнические группы [Киселев

2003, 33]. Например, информант из моноэтнической финской семьи рассказала: *«Моя старшая сестра была записана в паспорте как “русская”, ей паспортистка предложила поменять национальность»*. И другой пример бумажно-бюрократической «ассимиляции», когда в нач. 1920-х гг. финскую фамилию матери информанта переделали на русскую: *«Я спросила у мамы: “Почему у тебя здесь такая фамилия указана?” Она ответила, что ее заставили так написать. Под этой фамилией мама и работала, пока не вышла замуж»**. Сказанное подтверждается документами, хранящимися в ее семейном архиве: в метрической книге евангелическо-лютеранского прихода указана одна фамилия матери, а в свидетельстве о браке родителей – другая: финская фамилия преобразована в русскую.

В постсоветское время ситуация кардинально изменилась. Некоторые представители семей с финской родословной стали идентифицировать себя как финны. Этническая идентичность в реальной жизни не всегда совпадает с официальной [Скоробогатая 2007, 71]. Это подтверждается полученными данными, когда фиксированная этническая идентичность отличается от самовосприятия информантов. Например, трое информантов определяют себя как финки, хотя в советском паспорте была указана национальность «карелка» (информанты 16, 18, 31).

В настоящее время в семейно-родственных общностях встречаются случаи, когда внук финна берет себе девичью финскую фамилию матери и дает своей дочери финское имя (сын информанта 30). Другой пример: внучка финна передает свою финскую фамилию дочери, и русский муж информанта также берет финскую фамилию жены (информант 16) [Бусырева 2016, 72]. Подобная ситуация наблюдается у саамов. Есть примеры, когда информанты старались подтвердить свои саамские корни, поскольку принадлежность к «коренным малочисленным народам» сулит льготы при поступлении в вуз. Как сказала по этому поводу сестра информанта 29, *«Вспомнили, что они саамы, когда надо было поступать его дочкам, а потом оказались и финнами, по-видимому, и здесь какой-то интерес»***. Данный пример – иллюстрация инструментального характера этнической идентификации.

На этническую идентификацию влияют также этнолокальный и миграционный факторы. Как отмечал исследователь Й. Хякли из университета г. Тампере, идентичность и территория носят взаимосвязанный характер [Häkli 1999, 124]. Различия между финскими группами учитываются в соответствии с «территорией исхода». Большинство финнов-ингерманландцев подчеркивали свою локальную идентичность. Иногда они начинали свой рассказ со слов *«мы – ингерманландцы»*. Так же четко обозначали себя потомки «американских» финнов. Налицо преобладание субэтнической идентичности над общеэтнической [Шабаев 2006, 15]. Из 34 информантов 15 – это финны-ингерманландцы, 11 – выходцы из северной Финляндии, 5 – из южной Финляндии, 3 – потомки «американских» финнов.

Миграции финнов приводили к их дисперсному расселению, что, в свою очередь, вело к межэтническим бракам и к трансформации этничности. Межэт-

* ПМА 2009 г. Информант 2, Ж., 1946 г.р.

** ПМА, 2016, Ж., 1958 г.р.

ническим бракам между финнами и русскими сопутствовало активное усвоение языка и культуры доминирующего этноса. Часть информантов из таких семей определяли себя как «русские», основываясь на том, что «воспитывались на русской культуре»*. Именно от культурной политики семьи в значительной степени зависело формирование этнической идентичности, а также от личной мотивации самого человека, и уже затем – от обстоятельств, окружающей социальной среды [Разумова 2013, 66–86]. В условиях иноэтнического окружения именно семья – носитель этнической культуры [Бусырева 2009, 53]. В свою очередь, на культурную политику семьи влияет распределение семейных ролей. Например, дочь информанта 5 хотела, чтобы в паспорте в графе «национальность» было указано «финка»: «Но папа сказал “какая ты финка, ты – русская”. У нас был спор. Ну и, в общем, она русская. У нас всегда лидировал папа»**. В данном случае на «выбор» этничности повлиял авторитарный «патриархальный» тип распределения властных отношений в супружеской семье. Это один из важных факторов этнической идентификации детей.

В настоящее время финская идентичность более всего проявляется в финно-карельских семьях, поскольку финны и карелы – близкородственные этносы.

Постсоветский период отмечен возрождением интереса информантов к своим финским корням: толчком можно считать принятие Постановления «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г. [Постановление ... URL: <http://docs.cntd.ru/document/9004644>]. Если ранее на фоне травмирующего опыта репрессий 1930–1940-х гг. и негативного отношения к себе окружающих финны старались скрыть этническую принадлежность, то в последние десятилетия ситуация стала кардинально меняться. В последние десятилетия наблюдается обратная тенденция: некоторые представители семей с финской родословной стали подчеркивать свое финское происхождение, даже если финном в роду был только дед. Иногда это служит практической цели: в связи с желанием переехать на постоянное место жительства в Финляндию. Для доказательства причастности к финской общности выстраивается соответствующая аргументация.

Как показало исследование, язык, вероисповедание и тем более материальная культура не являются основными идентификаторами этнической принадлежности информантов. Так, из 19 человек, идентифицирующих себя как финны, владеют финским языком в той или иной степени лишь 10. Многие исследователи считают, что язык не может быть основным этническим идентификатором, это лишь глубоко укоренившийся культурный стереотип [Шабаетов 2009, 95]. Однако для некоторых информантов знание языка – главный критерий этнической идентификации. Так, высказываясь о своем сыне, который считает себя финном, информант сказала: «Да какой он финн, он и языка-то не знает»***. Примечательно, что она сама определяет себя как финка, но финского языка тоже не знает. Аналогично суждение другого информанта о своей двоюродной сестре, у которой отец – финн, а мать – русская: «Она русская была. Она по-русски говорила»****.

* ПМА 2009 г. Информант 10, Ж., 1945 г.р., ПМА 2010 г. Информант 11, Ж., 1943 г.р.

** ПМА 2010 г. Информант 5, Ж., 1948 г.р.

*** ПМА 2010 г. Информант 8, Ж., 1950 г.р.

**** ПМА 2011 г. Информант 1, М., 1922 г.р.

Что касается религии, только 3 информанта из моноэтнических семей (информанты 2, 25, 27) придерживаются лютеранских традиций. Большинство же происходит из полиэтнических семей, а в такой этнической ситуации вероятность сохранения лютеранского вероисповедания чрезвычайно мала. Подавляющее большинство информантов в настоящее время придерживаются или православия, или атеизма. Этнические особенности материальных сторон быта практически утратили какие-либо маркеры и полностью унифицированы, представляя, по большей части, быт городских семей.

Таким образом, объединяющим и служащим идентификатором российских финнов является общий негативный исторический опыт, отличающий их от других народов. Причастность к «репрессированному народу» осознается благодаря семейной истории, и этот признак единства оказывается сильнее, чем признак религиозной и даже языковой принадлежности. Каждый информант, излагая семейную историю, как правило, акцентировал внимание на репрессиях, направленных на конкретных родственников, а представители самого старшего поколения были непосредственными участниками и свидетелями тех событий. Свою этническую идентичность российские финны склонны были трансформировать в зависимости от политики государства. Так, до репрессий 30-х гг. они идентифицировали себя как финны; затем старались скрыть свою принадлежность к финскому этносу, для чего использовали различные стратегии; в постсоветский период наблюдается противоположная тенденция: возрождение интереса к финским корням и, как следствие, отнесение себя к финнам.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
- ЛО – Ленинградская область
- МО – Мурманская область
- пгт – поселок городского типа
- ПМА – полевые материалы автора

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ*

- I. Информанты из моноэтнических семей:
 - 1) финны-ингерманландцы:
 - 1 (М, 1922, д. Хуттусенмяки Шлиссельбургского уезда ЛО, 1947, г. Мурманск, высшее),
 - 2 (Ж, 1946, г. Ленинград, 1972, г. Апатиты, высшее),
 - 3 (Ж, 1932, г. Кировск, г. Апатиты, среднее),
 - 4 (Ж, 1936, г. Кировск, г. Мончегорск, среднее специальное),
 - 5 (Ж, 1948, совхоз Митрофановский Челябинской обл., 1968, г. Апатиты, среднее специальное),
 - 20 (Ж, 1931, д. Катума Куйвозовского р-на ЛО, 1958, г. Апатиты, среднее),

* Пол (М/Ж), год рождения, место рождения, время приезда на территорию МО, место проживания, образование.

2) финны из северной Финляндии:

25 (Ж, 1939, с. Титовка Полярного р-на МО, г. Мурманск, среднее специальное),
27 (М, 1979, г. Руовеси, Финляндия, 2003, г. Мурманск, высшее).

II. Информанты из полиэтнических семей:

6 (Ж, 1927, с. Княжая Губа, среднее специальное), 7 (Ж, 1927, хутор Ченги Тунгурского р-на Карелии, 1960-е, г. Апатиты, среднее), 18 (Ж, 1956, д. Судалица Олонецкого р-на Карелии, 1978, г. Апатиты, среднее): отец – финн, мать – карелка;

8 (Ж, 1950, пос. Зашеек МО, г. Апатиты, среднее специальное): отец – финн; мать: отец – карел, мать – русская;

9 (Ж, 1955, лесхоз Инга МО, г. Апатиты, высшее): отец – карел; мать: отец – финн, мать – карелка;

10 (Ж, 1945, пос. Умба МО, г. Апатиты, высшее), 11 (Ж, 1943, д. Зимник Вологодской обл., 1960-е, г. Апатиты, среднее специальное), 12 (М, 1959, г. Тарту, 1980, г. Кировск, высшее); 19 (Ж, 1953, пос. Верхнетуломский МО, неоконченное высшее), 21 (М, 1964, пос. Чупа, Карелия, реэмиграция, род из с. Белокаменки МО, г. Апатиты, среднее), 26 (М, 1972, пгт Ревда МО, высшее), 32 (М, 1968, г. Апатиты): отец – финн, мать – русская;

13 (Ж, 1947, пос. Тик-губа МО, г. Апатиты, среднее), 15 (Ж, 1951, г. Кировск, г. Апатиты, среднее специальное): отец – русский, мать – финка;

14 (Ж, 1958, пос. Тик-губа МО, г. Апатиты, высшее): отец – русский; мать: отец – ижора, мать – финка;

16 (Ж, 1981, г. Медвежья Гора, Карелия, 2004, г. Кировск, высшее): отец: отец – финн, мать – русская; мать: отец – карел, мать – русская;

17 (М, 1984, пос. Черский, Якутия, 1991 реэмиграция в пгт Кильдинстрой МО, высшее): финн – прадед, остальные в роду – русские, мать матери – чукча;

22 (М, 1935, пос. Калевала, Карелия, 1958, пгт Кукисвумчорр МО, среднее специальное), 31 (Ж, 1952, пос. Березово Беломорского р-на Карелии, 1967, г. Кировск, высшее): отец – карел, мать – финка;

23 (М, 1980, г. Апатиты, род из с. Белокаменка МО, высшее): отец: отец – карел, мать – финка; мать – русская;

24 (Ж, 1951, пос. Чапома МО, г. Апатиты, среднее специальное): отец – финн; мать – белоруска;

28 (Ж, 1949, пос. Зашеек МО, г. Полярные Зори, высшее): отец – ижора; мать – финка;

29 (М, 1955, с. Ёна МО, пгт Африканда, среднее): отец: отец – саами, мать – финка; мать – русская;

30 (Ж, 1959, с. Ёна, г. Ковдор МО, среднее специальное): отец: отец – финн, мать – русская; мать – русская;

33 (М., 1973, г. Апатиты, высшее): отец – русский; мать: отец – русский, мать – финка;

34 (Ж., 1965, с. Ёна МО, среднее): отец – русский; мать – отец – саами, мать – финка.

финны-ингерманландцы (15 информантов: 1, 2, 3, 4, 5, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 20, 24, 31, 32)

финны из северной Финляндии (11 информантов: 8, 9, 19, 21, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 34)

финны из южной Финляндии (5 информантов: 7, 12, 17, 22, 33)

американские финны (3 информанта: 6, 18, 26)

ЛИТЕРАТУРА

Постановление Верховного Совета РФ № 5291–1 «О реабилитации российский финнов» от 29 июня 1993 г. Эл. фонд правовой документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9004644> (дата обращения: 17.04.2013).

Бусырева Е. В. Судьбы финских семей в памяти их потомков // Кольский Север XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2009. С. 51–64.

Бусырева Е. В. Браки в истории и памяти семей финских переселенцев // Вестник Тамбовского государственного университета. 2012. Вып. 11 (115). С. 322–327. (Сер. Гуманитарные науки).

Бусырева Е. В. История семей с финскими корнями в контексте этносоциальных процессов (на примере Мурманской области) // Вестник Удмуртского государственного университета. 2016. Вып. 1. С. 68–75. (Сер. История и филология).

Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX в.: очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.

Дробижнева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Изд-во ин-та социологии РАН, 2006. С. 10–21.

Киселев А. А. Финны на Мурмане, или как возникла и исчезла финская община на Кольском полуострове // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3 (История и право). С. 28–41.

Козлов В. И. Национальности СССР (Этнодемографический обзор). М.: Статистика, 1975. 263 с.

Конькова О. И., Кокко В. А. Ингерманладские финны. Очерки истории и культуры. СПб: МАЭ РАН, 2009. 164 с.

Манаков Н. Г. Культурные границы и идентичность (на примере Северо-Запада Европейской России) // Идентичность и география в постсоветской России: сб. науч. ст. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 114–136.

Мусаев В. И. Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии (к. XIX – н. XX вв.): автореф. дис. ... д. ист. наук: 07.00.02. СПб институт истории РАН, 2002.

Разумова И. А. Мотивы этнической идентификации в семейном фольклоре // Традиционная культура финно-угров и соседних народов: проблемы комплексного изучения. Петрозаводск, 1997. С. 39–41.

Разумова И. А. Культурная политика современной российской семьи: подходы, исследования, практика // Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI вв.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций: сб. ст. и матер. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2013. С. 66–86.

Скоробогатая А. А. Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие в Северной Башкирии. М.: ТЕИС, 2008. 190 с.

Соколовский С. В. Идентичность: предложения к расширению антропологической программы исследований // Проблемы национального единства и идентичности в контексте мирового опыта. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 2016. С. 1–15. URL: <http://www.akademia.edu> (дата обрац. 24.04.2017).

Тишков В. А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.

Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 376 с.

Шабаетов Ю. П. «Новые идентичности» у финно-угров как политические инструменты // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 13–27.

Шабает Ю. П., Шилов Н. В., Денисенко В. Н. Язык и этничность: дискуссия о языковой политике в регионах проживания финно-угров // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 92–105.

Шнирельман В. А. Миф о прошлом и национализм. URL: http://semitology.lugovsa.net/elephants/myth_of_past.htm (дата обраш. 04.11.2015).

Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/36534.htm> (дата обращения 04.11.2015).

Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб.: Издат. дом «П.Э.Т.», 1996. 160 с.

Grossberg L. Identity and Cultural Studies – Is That All There Is? // Questions of cultural identity / Ed. by S. Hall and P. du Gay. London: SAGE Publications Ltd, 1996. P. 87–107.

Häkli J. Cultures of demarcation: territory and national identity in Finland / Territory and the Discursive Landscape of Finland / Ed. by Herb Guntram and Kaplan David. Tampere: Rowman & Littlefield, 1999. P. 123–149.

Tajfel H., Turner J.C. The Social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago, 1986. P. 149– 178.

Поступила в редакцию 06.07.2017

Бусырева Елена Владиславовна,

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник,

Центр гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

184209, Россия, г. Апатиты, Академгородок, 40а

e-mail: ebusyрева@mail.ru

E. Busyreva

Ethnic Identity of Members of Finnish Descent Families (Murmansk Region)

The paper considers the formation of ethnic identity among representatives of families with Finnish roots living in the territory of the Murmansk region. Ethnic identity is a part of social identity. Researchers rarely define ethnic identity as an innate unchangeable characteristic. As the majority of informants come from multi-ethnic families, the author considers ethnic identity as an unstable form which depends on specific historic events. The purpose of the study is to trace the process of transformation of ethnic identity of the family members of the Finnish origin, to identify factors which influenced the formation of ethnic identity. The paper is based on the materials of the interviews obtained from thirty-four informants, as well as on the materials from family archives. The study has showed that the Russian Finns are united by belonging to the “repressed people”. The Russian Finns have been inclined to construct their ethnic identity depending on the state policy. Thus they identified themselves as the Finns until the repressions of 1930s; then they tried to hide their belonging to the Finnish ethnic group using different strategies; in the post-Soviet period an opposite trend – the revival of interest of a lot of Russian Finns’ descendants to their Finnish roots – is observed.

Keywords: Finns, ethnic identity, transformation, self-identification, family history, state politics, repressed people, multiethnic family, ambivalent identity, biethnic identity.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 3, pp. 78–89. In Russian.

REFERENCES

Postanovlenie Verkhovnogo Soveta RF № 5291-1 «O reabilitatsii rossiiskii finnov» ot 29.06.1993 [The resolution of the Russian Federation Supreme Council N 5291-1 «About the rehabilitation of Russian Finns» d.d. June, 29, 1993]. Electronic Fund of legal documentation. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9004644>. In Russian.

Busyreva E. V. *Sud'by finskikh semei v pamyati ikh potomkov* [Finnish family fates in their descendants' memories] // *Kol'skii Sever XX–XXI vv.: kul'tura, nauka, istoriya* [The Kola North in the XX–XXI centuries: culture, science, history]. Apatity: KSC RAS, 2009, pp. 51–64. In Russian.

Busyreva E. V. *Braki v istorii i pamyati semei finskikh pereselentsev* [Marital histories and family memories of Finnish migrants] // *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta (Seria Gumanitarnye nauki)* [Bulletin of Tambov State University (Humanities)]. Tambov, 2012, no. 11 (115), pp. 322–327. In Russian.

Busyreva E. V. *Istoriya semei s finskimi korniyami v kontekste etnosotsial'nykh protsessov (na primere Murmanskoi oblasti)* [The history of families with Finnish roots in the context of ethnic-social processes (on the example of the Murmansk region)] // *Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University (History and Philology)]. 2016, no. 1. pp. 68–75. In Russian.

Vakhtin N. B. *Yazyki narodov Severa v XX v.: ocherki yazykovogo sdviga* [The languages of the North peoples in the XX century: essays on language shift]. SPb.: Dmitry Bulanin, 2001. 338 p. In Russian.

Drobizheva L. M. *Gosudarstvennaya i etnicheskaya identichnost': vybor i podvizhnost'* [State and ethnic identity: choice and mobility] // *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii* [Civil, ethnic and religious identity in modern Russia]. M.: Publishing House of Institute of Sociology RAS, 2006, pp. 10–21. In Russian.

Kiselev A. A. *Finny na Murmane, ili kak vznikla i ischezla finskaya obshchina na Kol'skom poluostrove* [Finns on the Murman, or the way the Finnish community arose and disappeared on the Kola Peninsula] // *Nauka i biznes na Murmane* [Science and business on the Murman (History and law)]. 2003, no. 3, pp. 28–41. In Russian.

Kozlov V. I. *Natsional'nosti SSSR (Etnodemograficheskii obzor)* [Nationalities of the USSR (ethno-demographic survey)]. M.: Statistica, 1975. 263 p. In Russian.

Kon'kova O. I., Kokko V. A. *Ingermanladskie finny. Ocherki istorii i kul'tury* [Ingrian Finns. Essays of the history and culture]. SPb.: MAE RAS, 2009. 164 p. In Russian.

Manakov N. G. *Kul'turnye granitsy i identichnost' (na primere Severo-Zapada Evropeiskoi Rossii)* [Cultural boundaries and identity (on the example of the North-West of European Russia)] // *Identichnost' i geografiya v postsovetsoi Rossii* [Identity and geography in postsoviet Russia: collection of scientific articles]. SPb.: Gelikon Plus, 2003. pp. 114–136. In Russian.

Musaev V. I. *Ingermanlandskii vopros vo vzaimootnosheniyakh i vnutrennei politike Rossii i Finlyandii (k. XIX – n. XX vv.): avtoreferat dissertatsii* [Ingrian question in relations and the domestic policy of Russia and Finland (late XIX – early XX centuries): abstract. dis. ... Dr. hist. sciences: 07.00.02]. SPb Institute of History RAS, 2002. In Russian.

Razumova I. A. *Motivy etnicheskoi identifikatsii v semeinom fol'klore* [Motives of ethnic identity in family folklore] // *Traditsionnaya kul'tura finno-ugrov i sosednikh narodov: problemy kompleksnogo izucheniya* [Traditional culture of the Finno-Ugrians and neighbouring peoples: problems of complex study]. Petrozavodsk, 1997, pp. 39–41. In Russian.

Razumova I. A. *Kul'turnaya politika sovremennoi rossiiskoi sem'i: podkhody, issledovaniya, praktika* [Cultural policy of a modern Russian family: approaches, research, practice] // *Karel'skaya sem'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XXI vv.: etnokul'turnaya traditsiya*

v kontekste sotsial'nykh transformatsii [Karelian family in the second half of XIX – early XXI century: the ethno-cultural tradition in the context of social transformation: a collection of articles and materials]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Centre RAS, 2013, pp. 66–86. In Russian.

Skorobogataya A. A. *Etnicheskaya identichnost' i mezhhkul'turnoe vzaimodeistvie v Severnoi Bashkirii* [Ethnic identity and intercultural communication in the North of Bashkiria]. M.: TEIS, 2008. 190 p. In Russian.

Sokolovsky S. V. *Identichnost': predlozheniya k rasshireniyu antropologicheskoi programmy issledovaniy* [Identity: suggestions for the extension of anthropological research programs] // *Problemy natsional'nogo edinstva i identichnosti v kontekste mirovogo opyta* [Problems of national unity and identity in the context of the world experience]. M.: Institute of Ethnology and Anthropology, 2016, pp. 1–15. URL: <http://www.akademia.edu>. In Russian.

Tishkov V. A. *O fenomene etnichnosti* [The phenomenon of ethnicity] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1997, no 3, pp. 3–21. In Russian.

Tishkov V. A., Shabaev Y. P. *Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopolitology: political functions of ethnicity]. M.: Publishing House of Moscow University, 2011. 376 p. In Russian.

Shabaev Y. P. «*Novye identichnosti*» u finno-ugrov kak politicheskie instrumenty [‘New identity’ at the Finno-Ugrians as political tools] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2006, no. 1, pp. 13–27. In Russian.

Shabaev Y. P., Shilov N. V., Denisenko V. N. *Yazyk i etnichnost': diskussiya o yazykovo-i politike v regionakh prozhivaniya finno-ugrov* [Language and ethnicity: the debate about language policy in the regions inhabited by the Finno-Ugric peoples] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2009, no. 2, pp. 92–105. In Russian.

Shnirelman V. A. *Mifo proshlom i natsionalizm* [The myth of the past and nationalism]. URL: http://semitology.lugovsa.net/elephants/myth_of_past.htm.

Shnirelman V. A. *Tsennost' proshlogo: etnotsentristskie istoricheskie mify, identichnost' i etnopolitika* [The value of the past: ethnocentric historical myths, identity and ethnic politics]. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/36534.htm>.

Shpet G. G. *Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to ethnic psychology]. Saint-Petersburg: Publishing House «P. E. T.», 1996. 160 p. In Russian.

Grossberg L. *Identity and Cultural Studies – Is That All There Is?* // *Questions of cultural identity* / Ed. by S. Hall and P. du Gay. London: SAGE Publications Ltd, 1996, pp. 87–107.

Häkli J. *Cultures of demarcation: territory and national identity in Finland / Territory and the Discursive Landscape of Finland* / Ed. by Herb Guntram and Kaplan David. Tampere: Rowman & Littlefield, 1999, pp. 123–149.

Tajfel H., Turner J.C. *The Social identity theory of intergroup behavior* // *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, 1986, pp. 149–178.

Received 06.07.2017

Busyreva Elena Vladislavovna,
Candidate of Sciences (History), Junior Research Associate,
Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS
40a, Academy campus, Apatity, 184209, Russian Federation
e-mail: ebusyрева@mail.ru